

Г.Г. Попов

ФРИДРИХ ЛИСТ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сравнительно недавно из полузабытья к нам вернулся один из крупнейших ученых XIX века — Фридрих Лист. Его наследие до сих пор остается недостаточно изученным. Интерес к теории Листа пробудился в России в силу все более активного вхождения нашей страны в процессы глобализации, частью которых являются углубленная интернационализация мирового хозяйства и либерализация торговли.

Глобализация в России и за ее пределами воспринимается как нечто новое. Но, как следует из работ Листа, данная проблематика была знакома научным кругам еще полтора столетия назад, хотя термина «глобализация» тогда еще не было.

Сейчас, когда идет дискуссия о вступлении России в ВТО, о Листе вспоминают, прежде всего, как о стороннике протекционизма (который, между прочим, он считал лишь временной мерой). На самом деле Лист более интересен как основоположник теории экономической эксплуатации слабо развитых наций более сильными. Во второй половине XX в. подобные идеи получили развитие в трудах леворадикальных экономистов — таких как Рауль Пребиш или Иммануил Валлерстайн. Однако первым был именно Ф. Лист, взгляды которого являлись антитезой либеральным концепциям свободной торговли.

Как первооткрыватель «глобалистской» эксплуатации, Ф. Лист объективно является основоположником анализа проблем национальной экономической безопасности.

Фридрих Лист и его время

Эпоха Ф. Листа. Фридриху Листу довелось жить в сложное и противоречивое время. Это был период затишья в Европе после наполеоновских войн, когда ведущие державы пытались

сохранить не оправдывавшую себя позднефеодальную политическую систему.

Ситуация в Европе после 1815 г. очень напоминает положение этого же региона полутора веками позже, в период между окончанием Второй мировой войны и распадом Варшавского договора. Европа как бы делилась на два полюса: на одном — западные либеральные режимы (Великобритания и Франция), на другом — восточные реакционные режимы (Россия, Пруссия и Австрия).

Главным противником углубления процесса демократизации в Европе выступала Российская империя. Александром I было создано некое подобие ООН в масштабах Европы — «Священный союз», совещательный орган правительств, призванный решать межгосударственные вопросы. Были даже попытки создать систему европейской безопасности, но неудачные, — антагонизм между феодальной Россией и капиталистическими Англией и Францией не позволил этого сделать¹.

Между Россией и Великобританией лежала группа самобытных и стоявших на разных стадиях перехода от аграрной к индустриальной цивилизации государств, разрываемых желанием части их политических элит сохранить феодальные пережитки и стремлением значительных слоев общества к модернизации. Чем дальше от границ России на запад, тем более возрастала степень либерализации общества. И Россия, и Великобритания активно экспортировали свои идеи общественного устройства, усиливая поляризацию мира.

Наполеоновские войны привели к разорению континентальной Европы. Австрия ослабла экономически настолько, что с трудом могла содержать армию, которая едва обеспечивала целостность империи Габсбургов. В России также наблюдался экономический кризис, продолжавшийся примерно до конца 1820-х гг. Уже тогда четко обозначился экономический антагонизм между востоком и западом Европы. На Западе Англия за счет своего островного положения и сильного флота смогла избежать вторжений наполеоновских армий. Ее экономический потенциал сильно возрос благодаря временному удалению Франции из числа ведущих колониальных держав: после военных поражений Бурбонов и Бонапарта англичане фактически

оказались хозяевами мирового океана. На другом конце Европы находилась Россия с ее хроническими проблемами социально-экономического отставания, к которым дополнились потери от вторжения французской армии в 1812 г. Правительство Сперанского в начале XIX в. безуспешно пыталось модернизировать страну, но допустило характерную для большинства русских реформ ошибку — захотело изменить почти все и сразу, не вдаваясь при этом в конкретные детали². Основная доля собственности в Российской империи была сконцентрирована в руках дворян. Крестьяне и значительная часть заводских рабочих числились крепостными, однако крепостное право в России в то время сильно отличалось от его более западных аналогов. Российские крестьяне в правовом отношении были низведены, как верно отмечал В.О. Ключевский, до уровня инвентаря. Вместе с тем, в России имели место и экономический рост, и экономическое развитие. Даже С.Ю. Витте ставил в пример крепостническую Россию своим современникам, указывая на высокую степень динамики ее экономики³. Однако этот рост достигался в основном за счет феодальной эксплуатации, что вело к нарастанию деградации общества.

В Великобритании положение большинства населения было не намного лучшим. Капиталистическая эксплуатация оказалась не менее жестокой, чем феодальная. В основе эксплуатации труда в полуфеодальной России и в ультракапиталистической Англии лежал один принцип — выжимание прибыли любой ценой. Человек, согласно такой морали, — инвентарь, или «животное, производящее машины», как в свое время сказал Б. Франклин. Английский капитализм стал продолжением английской национальной ментальности, сформировавшейся еще в условиях аграрной цивилизации. Принципы устройства капиталистического хозяйства Англии XIX в. надо искать в британском либерализме, который провозгласил примат частного над коллективным и административного невмешательства государства в отношения между работодателем и работником и между индивидами вообще. Благодаря либерализму, Великобритания построила систему общественных отношений, базирующуюся на праве и на судебном контроле, а не на административном управлении. Именно этой особенностью развития британского общества и объяснил

Фридрих Лист успехи английской экономики. Но для наемных работников и мелких фермеров британский либерализм стал на несколько столетий бичом. Только постепенный отход британского общества после наполеоновских войн от чистого либерализма к принципам регулируемой экономики, что завершилось триумфами английских профсоюзов уже в XX в., облегчил положение простых британцев.

Итак, между двумя полюсами европейской цивилизации, между Россией и Англией, располагались государства, искавшие свой путь, — государства, раздираемые массой внутренних противоречий, но следовавшие осторожной, последовательной стратегии развития. Немцы и французы завидовали успехам Англии, однако, тем не менее, не спешили следовать ее либеральной рецептуре. Особенно это касалось такой важной стороны экономической политики как внешней торговли.

Правительство Людовика XVIII во Франции прибегло почти сразу же после реставрации к протекционизму. То же самое сделала Пруссия в 1818 г.⁴ Россия снизила после побед над наполеоновской Францией ввозные и вывозные тарифы, но была вынуждена вернуться в 1821 г. к довоенной политике из-за проблем с платежным балансом⁵. Разумеется, такая позиция континентальных держав по вопросам внешней торговли больно билась по экономике Великобритании, заставляя ее распространять идеи фритредерства. При этом британское правительство само неоднократно вводило таможенные барьеры для ввоза иностранной продукции, особо не обращая внимания на причины внутреннего перепроизводства⁶. Тарифная защита для стран континентальной Европы была единственным средством для спасения их экономик от наплыва дешевой английской продукции, что, несомненно, привело бы к экономической гегемонии Великобритании в Европе.

Однако идеи фритредерства все-таки пробивали себе путь на континенте, в основном при поддержке некоторых аристократических кругов, которым были выгодны дешевый английский импорт и неограниченный экспорт сельскохозяйственной продукции. Вместе с фритредерством приходила и британская либеральная мораль, очень напоминающая современную американскую.

Окончательный переход стран континентальной Европы от аграрной цивилизации к индустриальной зависел в первую очередь от развития промышленности. Без государственного вмешательства в экономику и сдерживающей импорт таможенной политики этого произойти просто не могло, что доказывает опыт США, Японии и России. Вместе с тем, в экономической теории главенствовали классики, преимущественно англичане по происхождению, которые отстаивали идеи экономического либерализма, включая фритредерство. Нет сомнений, что авторитет Адама Смита и Давида Рикардо существенно влиял на умы ученых и политиков, склоняя их к принятию либеральных доктрин в экономике.

Однако в Германии появился человек, который выступил против классической догмы, не отвергая ее при этом полностью, но доказывая ее незавершенность, а поэтому и несовершенство. Этим человеком был Фридрих Лист. Он впервые провел глубокий критический анализ трудов классиков-политэкономов, чем в некоторых отношениях предвосхитил Маркса.

Жизнь Ф. Листа. У Фридриха Листа (1789–1846) была сложная судьба⁷. Трагедия его жизни в том, что он жил в эпоху, когда слово «Германия» воспринималось как чисто географическое понятие. Патриот единой и великой Германии не находил места в мелких немецких государствах, на которые раскололась в новое время Великая Римская империя германской нации.

Лист родился в Рейнтлингене, образование получил в Тюбингене, а затем начал делать быструю карьеру на государственной службе в администрации королевства Вюртенберг. Однако рано проявившиеся склонности к реформаторству помешали ему продолжить заурядную карьеру чиновника одного из почти четырех десятков немецких государств. Одновременно с государственной службой работой Лист занимался образовательной деятельностью, основал журнал «Друг швабского народа», который, правда, просуществовал недолго. Несколько лет он занимал кафедру при факультете политических наук в Тюбингене, но затем от нее отказался, чтобы посвятить себя политической борьбе.

Фридрих Лист принадлежал к пангерманистам, сторонникам объединения Германии. Как и многие его современники, он склонялся к идее объединения немецких стран под началом

Австрийской империи — одного из самых сильных немецких государств. Однако политическая карьера Листа оказалась недолгой. Сразу после своего избрания в Вюртенбергскую палату депутатов от Рейнтлингена он выступил с предложениями о проведении серьезных реформ королевства, которые шли вразрез с мнением правительства. В результате Лист оказался изгнанным из парламента и заключенным под стражу. Ему пришлось отправиться в изгнание — вначале в Швейцарию, а затем, в 1825 г., в Соединенные Штаты.

В Америке Лист на первых порах очень хорошо преуспел в бизнесе. Он успешно строил шахты и железные дороги, добившись высокого положения в обществе. Это положение дало ему возможность вернуться в 1832 г. в родную Германию в качестве американского консула в Лейпциге. В 1837 г. экономический кризис в США разорил Листа, и путь назад, в Америку, оказался для него практически закрыт. Он с головой уходит в научно-просветительскую деятельность, разрабатывает проекты постройки железных дорог в Германии. Но самым главным для него стало отстаивание интересов Германии в международной торговле.

Главным конкурентом Германии Лист считал Англию, которая, по его мнению, стремилась превратить его страну в поставщика сельскохозяйственной продукции и выгодный рынок сбыта промышленных товаров. Именно проблема английской гегемонии в экономике и политике больше всего занимала Листа в начале 1840-х гг. Именно в эти годы он издает главное свое произведение — «Национальную систему политической экономии» (1841). Тогда же Лист снова обращается к идеям пангерманизма. Но, как и раньше, призывы к общенемецкому патриотизму не находили должного отклика ни у императора Австрии, у которого Лист тщетно искал расположения, ни, тем более, у мелких германских князей. В конце концов, юнкерские политические круги Пруссии обрушились на него с критикой за антианглийские выступления.

Лист с каждым днем убеждался, что политические элиты Германии категорически не принимают его идеи. Это обстоятельство сильно повлияло на здоровье Фридриха Листа. 30 ноября 1846 г. он умер в гостинице курортного города Кунстейна — вероятно, от чахотки, но, возможно, это было самоубийство.

Наследие Листа начали по достоинству оценивать в Германии только после его смерти. Правда, значение утраты понимали в основном в академических и промышленных кругах страны.

Лист не дожил примерно 15 лет до начала реализации его пангерманских призывов. Объединение Германии «железом и кровью» возглавила в 1860-е гг. не культурная Австрия, на что надеялся Лист, а милитаристская Пруссия. В отличие от творца «немецкого чуда» 1950-х гг. Людвиг Эрхарда, которому было очень удобно проводить свои экономические реформы «за спиной» сильного политика, канцлера ФРГ Конрада Аденауэра, Фридрих Лист единомышленников-политиков найти не смог. В год смерти Листа объединителю Германии, будущему канцлеру Отто фон Бисмарку (1815–1898) было только 30 лет, его политическая карьера еще и не началась. Эти два великих немца, Фридрих Лист и Отто Бисмарк, могли образовать дуэт, как Эрхард и Аденауэр, но история не дала им этой возможности.

Судьба теории Листа оказалась не менее драматической, чем его жизнь. Немецкие последователи этого талантливого ученого сделали его воззрения основой так называемой немецкой исторической школы. Эта школа дала ряд весьма выдающихся мыслителей (включая М. Вебера и В. Зомбарта), стала одним из источников американского институционализма. Однако после рождения неоклассики А. Маршалла ее влияние начало падать, к Первой мировой войне она приобрела признаки псевдонаучного учения, а в межвоенный период полностью исчезла. Активно вспоминать Ф. Листа начали только в конце XX в., на волне кризиса неоклассической экономической теории.

Фридрих Лист в полемике с классиками

Ф. Лист как первооткрыватель национальной экономики. Фридрих Лист хотел быть не столько *противником*, сколько *реформатором* классической политэкономии. Он желал восполнить крупный пробел, существовавший в теориях классиков. (Единственный, кого из классиков не мог принять Фридрих Лист, это — Мальтус, закон народонаселения которого Лист назвал «чудовищным».) Этим пробелом являлось отсутствие исследования проблем экономического развития *отдельных наций*.

Классики создали космополитическую политическую экономию, посчитав ее универсальной для всех народов и не вдаваясь в подробности развития отдельных стран. Следующее высказывание Листа говорит о его весьма толерантном отношении к классической школе: «Мы, со своей стороны, далеки от того, чтобы отвергать космополитическую теорию в том виде, в каком она выработана школой [имеются ввиду классики], мы думаем только, что политическая экономия, или, как ее называл Сэй, *Osonomie publique*, также должна быть научно разработана, и что, во всяком случае, лучше называть вещи их действительными именами, нежели придавать им значение, противоречащее смыслу слов»⁸. Таким образом, Ф. Лист утверждал, что классики назвали политической экономией (в буквальном переводе — наукой о хозяйстве государства) то, что таковой не являлось.

Лист считал необходимым сформулировать объективные законы, относящиеся к сфере развития отдельных наций и их взаимодействия в ходе этого развития друг с другом. При этом Лист настаивал, что все развитие цивилизованных наций идет по пути тесной международной интеграции. Он писал по поводу этого: «Теперь уже с уверенностью можно предвидеть, что через несколько десятилетий благодаря усовершенствованию путей сообщения цивилизованнейшие народы в своих материальных и умственных отношениях будут связаны так же тесно и даже еще теснее, чем были связаны столетие тому назад разные графства Англии»⁹.

Тогда, спрашивается, в чем заключается национализм Листа? Если воспринимать понятие «национализм» в буквальном смысле этого слова, то идеи об усилении взаимосвязи разных наций, как будто, не должно выдавать в Листе националистически настроенного автора. Все дело в том, как будет развиваться эта взаимосвязь, кто от этого выиграет и кто проиграет.

Согласно Листу, есть разные пути развития взаимосвязи наций. Основную свою задачу при написании «Национальной системы политической экономии» Лист видел как раз в решении задачи, как народам, обладающим в результате своего исторического развития неравными экономическими возможностями, интегрироваться в мировое хозяйство на равноправных началах.

Разумеется, во времена Листа не было понятия «мировое хозяйство», но он уже представлял его. Фридриха Листа в каком-то

смысле можно назвать пророком глобализации. Поставленные им вопросы станут наиболее актуальными через полтора столетия после издания «Национальной системы политической экономики» — в наши дни.

Например, чего стоит следующая мысль: «чем более развивается промышленность, тем равномернее она распространяется по земному шару, и тем сильнее будет уменьшаться возможность войны. Два одинаково развитых в промышленном отношении народа в состоянии уже в одну неделю нанести друг другу более вреда, чем в состоянии его исправить целое поколение»¹⁰. Таким образом, по мнению Листа, выравнивание в промышленном развитии наций должно способствовать установлению мира между государствами. Действительно, существующая сегодня в мире система безопасности стала возможной во многом благодаря выравниванию уровней промышленного развития ведущих мировых держав, что сделало потенциальную глобальную войну всеобщим самоубийством.

Центральный вопрос, который занимал Листа, таков: к какой международной интеграции придет мир — к глобальной системе, где будет править одно государство (то есть Британия), или же к системе равноправных наций? Сегодня акценты этой проблемы немного изменились (место Британии заняли США), однако проблема осталась. По мнению Листа, если промышленные державы последуют либеральным идеям свободной торговли, не создав необходимых условий для национального экономического развития, то мир придет к первому варианту. В этой связи он вступает в полемику с классиками, в особенности с Давидом Рикардо, критикуя его концепцию сравнительных издержек, которая казалась тогда незыблемой.

Фридрих Лист vs Адам Смит. Лист вполне справедливо указал на излишнюю абстрактность концепций Адама Смита и Давида Рикардо. Она, как известно, содержит много допущений, не существующих даже в современном мире, не говоря уже о Европе позапрошлого столетия. Построенные уже в XX в. на базе теории сравнительных преимуществ теоремы Оливена-Хекшера, Оливена-Хекшера, Самуэльсона, Рыбчинского содержат те же самые допущения. Главными из них являются — гомогенность факторов производства, их абсолютная

мобильность внутри национальных экономик и полная международная иммобильность, приблизительно равные емкости рынков торгующих стран.

Лист, выступая против классических теорий международной торговли, выдвинул вполне логически обоснованные аргументы, которые могут служить основой и для критики неоклассических теорем. В первую очередь он обращается к концепции международной специализации Адама Смита, базировавшейся на теории абсолютных преимуществ в торговле.

Напомним основное содержание взглядов А. Смита на международную специализацию. А. Смит считал, что добровольно торгующие без каких-либо протекционистских ограничений страны обязательно выигрывают. Но для этого каждая из торгующих стран должна иметь абсолютное преимущество по обмениваемому товару — меньшее количество трудозатрат, которые приходится на производство товара, по сравнению с другой страной (А. Смит рассматривал производство только с одним фактором, трудом). Проще говоря, если Португалия производит вино, затрачивая на каждый литр этого продукта один час живого труда, а в Германии литр вина обходится в два часа живого труда, то немцам выгодно покупать вино в Португалии и отказаться от производства своего вина. Но Германия должна предоставить Португалии что-либо в обмен. Допустим, выплавка одной тонны металла в Германии требует 10 часов труда, а в Португалии — 20 часов. Очевидно, что португальцам надо отказаться от выплавки металла и закупать его в Германии, предоставляя немцам в обмен вино.

Логика концепции А. Смита проста, но она слишком абстрактна, как абстрактны все последующие классические и неоклассические теории, базирующиеся на ней. Она абстрактна в силу ряда допущений. Основные из этих допущений таковы: в модели участвуют только две страны и два товара; принимается во внимание только один фактор производства — труд, причем, он является гомогенным (только одного типа и качества); торгующие страны используют одинаковые технологии, которые не меняются.

Лист утверждал, что страна, последовавшая рекомендациям Смита, достигнет кратковременной выгоды, которая, однако, в

долгосрочном периоде обернется крупными экономическими потерями. Свой вывод Лист аргументирует просто: отказываясь от производств, которые не дают абсолютных преимуществ в международной торговле, страна направляет все ресурсы на производство специализированного продукта, то есть на то производства, где она обладает абсолютными преимуществами. В результате в этом производстве возникнет со временем избыток ресурсов, будет развиваться конкуренция, но в то же время начнет разрушаться внутренний обмен.

Лист приводил реальный пример современной ему Франции, где стоимость фабричных товаров была выше, чем в Англии. Лист задался вопросом: что было бы, если французы сняли бы ограничения на ввоз промышленных товаров из Англии? Он вполне логически находит ответ: «Французские потребители в течение нескольких лет будут удовлетворять свои нужды в фабрикатах гораздо дешевле, чем прежде, но французские фабрики будут разорены, и миллионы людей будут доведены до нищеты или будут принуждены эмигрировать или же приняться за земледелие. В наилучшем случае прежние потребители-земледельцы превратятся в их конкурентов, производительность земледелия снизится, а потребление уменьшится. Необходимыми следствиями этого во Франции будут: обесценение продуктов, падение ценности земли, национальное обеднение и национальная дряблость»¹¹.

Историческая проверка идей Ф. Листа. В какой степени рекомендации Ф. Листа были учтены экономистами и политиками последующего исторического периода? Рассмотрим этот сюжет на примере Германии — родины Ф. Листа.

Уже в последней трети XIX в. старые страны-лидеры (прежде всего, Великобритания и Франция) начали активно тесниться новыми лидерами — Германией и США, а чуть позже — Японией. Во всех этих странах сильное развитие получили отрасли с высокой добавленной стоимостью. Возникнув при активной государственной поддержке, они за 20–30 лет совершили колоссальный рывок, опередив по темпам роста легкую промышленность и сельское хозяйство. Ускоренное комплексное развитие в случаях с Германией и Японией привело к нарушению межотраслевого баланса в их экономиках, что, несомненно, являлось

жертвой, которую платило общество за право на получение доступа к благам цивилизации.

Трудно сказать, в какой степени объединитель Германии Отто Бисмарк был знаком с идеями Ф. Листа. Во всяком случае в своей внешнеэкономической политике он следовал его рекомендациям — после объединения Германии провел знаменитую тарифную реформу 1879 г. В 1895 г. в Германии был принят новый тариф — еще более высокий. Правда, ее проведение обосновывалось, прежде всего, фискальными целями — рейху не хватало средств на увеличение армии и постройку мощного флота.

Политика специализации экономики на внешний рынок, согласно Смиуту и Рикардо, проводилась в Германии после Первой мировой войны, в эпоху Веймарской республики, но неудачно. Германская экономика, державшаяся на американских инвестициях и экспорте промышленных товаров в США и другие страны, рухнула, как только в 1929 г. разразилась Великая Депрессия.

После Второй мировой войны новая валютная система Запада, основанная на твердом долларе, низкий уровень конкуренции на мировом рынке обеспечили ФРГ успешную реализацию стратегии ориентированной на внешний рынок экономики. Однако даже в этих условиях западногерманская экономика все равно склонялась в сторону комплексного развития, если вспомнить хотя бы истории с государственной поддержкой угольных шахт и гамбургских судоверфей.

История показывает, что либеральный («по Смиуту и Рикардо») путь экономического развития был отвергнут всеми «поздними» странами-лидерами в самом начале их перехода к индустриальной цивилизации. Их экономическая история подтверждает позицию Ф. Листа, а не его оппонентов.

А в какой степени идеи Ф. Листа можно использовать для понимания истории и перспектив экономического развития нашей страны?

Идеи Ф. Листа в контексте экономической безопасности России

Поиск места в современном мировом хозяйстве: Россия vs Беларусь. Опыт стран с переходной экономикой тоже во многом противоречит теоремам неоклассиков. Россия, имея трудонасы-

ценную экономику и положительный показатель чистого экспорта (139,2 млрд дол. в 2006 г.¹²), демонстрирует сравнительно медленный рост реальной заработной платы в сравнении с другими странами СНГ и Восточной Европы. В то же время, например, Беларусь, обладая отрицательным показателем чистого экспорта (–721,5 млн дол. США в 2005 г.¹³) и тоже высокой степенью трудонасыщенности экономики, показывает самые высокие темпы прироста реальной заработной платы по СНГ (см. табл. 1).

Таблица 1

Реальная заработная плата в странах СНГ (1991 = 100%)

Год	Зарплата, %							
	Азербайджан	Казахстан	Россия	Молдавия	Таджикистан	Киргизия	Украина	Белоруссия
1991	100	100	100	100	100	100	100	100
1992	83	67	70	60	50	90	90	90
1993	65	50	71	40	18	62	76	84
1994	22	38	70	30	15	62	38	82
1995	19	37	50	30	8	70	38	58
1996	20	39	52	31	8	71	38	58
1997	35	40	53	32	8	74	38	60
1998	40	40	49	35	8	80	37	70
1999	48	46	38	30	8	84	37	78
2000	50	50	42	30	10	79	38	86
2001	61	57	51	33	10	82	38	100
2002	66	60	61	40	11	90	45	120

Составлено по: Реальная заработная плата увеличивается во всех странах // Население и общество. Бюллетень Центра демографии и экологии человека Института народохозяйственного прогнозирования РАН. 2003, № 111–112 (http://demoscope.ru/weekly/2003/0111/e_bar03.php).

Отметим, что доля продукции с высокой добавленной стоимостью в структуре экспорта Беларуси заметно больше, чем в структуре российского экспорта. По данным белорусских источников, к числу важнейших экспортных товаров Беларуси принадлежат грузовые автомобили, тракторы, калийные удобрения, нефтепродукты, холодильники и морозильники, телевизоры, шины, химические волокна и нити¹⁴. Такая структура экспорта не типична для трудонасыщенной экономики. Ведь если следовать логике неоклассиков, то Беларусь должна была бы экспор-

тировать преимущественно трудоемкие товары — например, текстиль и древесину.

Вопреки концепциям неоклассиков, почему-то капитал в России и в других странах СНГ не дешевеет. Его предложение увеличивается далеко не в соответствии с потребностью переходных экономик в капитальных вложениях. И это понятно. В трудонасыщенных экономиках, специализирующихся на производстве трудоемких товаров, капитал стоит дешевле, если его предложение ничем не ограничено, — здесь неоклассики правы. Однако они допускают, что предложение капитала ничем не сдерживается. При низкой норме прибыли, порожденной теми обстоятельствами, о которых писал Фридрих Лист, владельцы капитала не заинтересованы в росте его предложения.

Сегодня страны третьего мира и страны с переходной экономикой имеют избыток капитала в виде валютных резервов, но он не работает на их национальных финансовых рынках. По мнению аналитиков международного информационного агентства World&News, избыточные валютные резервы развивающихся стран составляют 2 трлн дол.; лидерами здесь являются Китай, Россия, Саудовская Аравия и Индия¹⁵. Заметим, Китай и Индия не экспортируют нефть вообще, однако тоже имеют крупные избыточные валютные резервы, поэтому данную проблему нельзя связывать только с ростом цен на нефть в мире. Все дело в том, что углубление специализации среди развивающихся стран породило именно тот процесс, когда рост нормы прибыли по экономике в целом отстает от желаемого экономическими субъектами показателя или же вообще отсутствует, а происходит это из-за колоссального перераспределения ресурсов в пользу отрасли специализации. Именно от этого предостерегал Фридрих Лист, критикуя классические концепции международной торговли.

Увлечение российских реформаторов либеральными неоклассическими теориями в 1990-е гг. привело к тому, что отечественная экономика является сегодня одной из самых трудонасыщенных среди индустриальных экономик. Однако это не дает российскому обществу тех преимуществ, которые оно должно было бы получить от углубления специализации в производстве трудоемких товаров. В экономической системе России сложилась парадоксальная ситуация: есть избыточный капитал, но он не работает.

Вернемся к сравнению России и Беларуси. Республика Беларусь, в отличие от России, не стала в 1990-е гг. разрушать свой машиностроительный комплекс, хотя в сравнении с развитыми странами он не имел конкурентных преимуществ. Тем не менее успехи белорусской экономики впечатляют — особенно, если учесть, что эта республика почти не имеет полезных ископаемых.

Белорусская экономика пошла по пути ряда постсоциалистических стран Восточной Европы, где был взят курс на развитие производств четвертого и пятого укладов. Россия и несколько других республик СНГ, напротив, взяли курс на развитие сырьевых производств, четко придерживаясь либеральной рецептуры. В результате страны, пошедшие по первому пути, заняли прочные позиции в мировом хозяйстве и добились высоких результатов в социально-экономическом развитии. Например, маленькая Чехия, имеющая территорию чуть больше Московской области и население около 10 млн чел., произвела в 2000 г. 435 403 автомобиля. Среди посткоммунистических государств Чехия в настоящее время занимает второе место по уровню жизни (после Словении). В структуре экспорта Чехии и ряда других постсоциалистических стран мы можем заметить сегодня тенденцию не к сокращению, а к значительному увеличению доли продукции машиностроения. По объемам экспорта в страны ЕС Чехия, Польша и Венгрия уже в 1995–2000 гг. (это был самый переломный этап в развитии переходных экономик) заметно опередили Россию, если не учитывать экспорт топлива и продуктов питания (рис. 1).

Чехия, Польша и Венгрия не стали в период либеральных реформ разрушать свое машиностроение в угоду быстрым конъюнктурным выигрышам, также поступила и Беларусь, — позитивный результат налицо. Российский же экспорт деградирует даже в сфере товарообмена со странами СНГ. Например, доля продукции машиностроения в российском экспорте на Украину заметно ниже, чем аналогичная доля украинского экспорта в Россию (табл. 2 и 3)¹⁶. Отметим интересную черту, резко противоречащую классическим / неоклассическим моделям преимуществ в торговле: Россия, обладая намного большими, чем Украина, лесными ресурсами, импортирует из Украины продукцию целлюлозно-бумажной промышленности. Российский экспорт в

другие страны Восточной Европы, увы, не сильно отличается по своей структуре от экспорта на Украину.

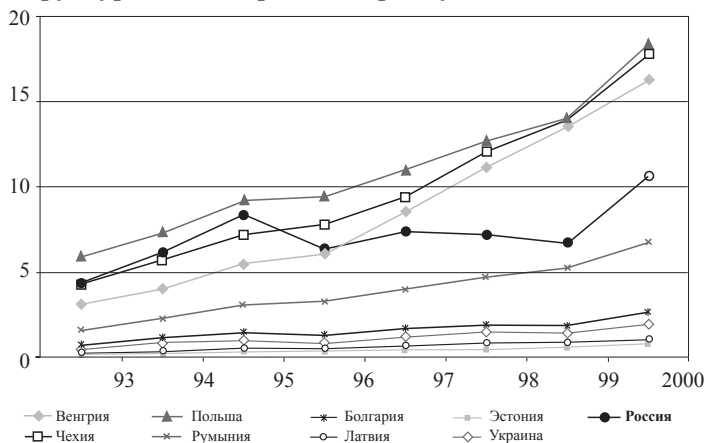

Рис. 1. Динамика экспорта в 12 стран ЕС из стран с переходной экономикой без учета продукции пищевой и топливной промышленности (по вертикальной оси — млрд дол. США)

Составлено по: <http://www.opec.ru/library>.

Таблица 2

Основные элементы структуры украинского экспорта в Россию, %

Продукция машиностроения	34
Неблагородные металлы и изделия	18
Продукция пищевой промышленности	11
Продукция химической промышленности	9
Продукция животноводства	7
Бумага и картон	6

Таблица 3

Основные элементы структуры российского экспорта в Украину, %

Газ, нефть и нефтепродукты	65
Продукция машиностроения	14
Неблагородные металлы и изделия	5
Пластмасса и каучук	3
Бумага и картон	2

Ловушка сырьевой специализации. Если ситуация не изменится, то российская экономика вполне может повторить путь, который она уже прошла в XVIII–XIX вв. Тогда Россия помогла Великобритании совершить индустриальные революции своим дешевым сырьем (особенно металлом), превратившись «в награду» за это в одну из самых промышленно отсталых стран Европы¹⁷.

Едва открыв при Петре I «окно в Европу», Россия начала активно экспортировать сырье и полуфабрикаты в Англию и ряд других стран Западной Европы, получая в обмен их промышленные товары¹⁸. Из-за преобладания сырьевого сектора российская экономика имела низкие показатели технологического развития, за исключением металлургии, но и там к XIX в. стало заметным снижение производительности труда из-за сохранения за рабочими статуса крепостных. Британская экономика смогла, получая дешевый российский импорт сырья и полуфабрикатов (особенно металла), высвободить значительную часть своих ресурсов и бросить их на развитие высокотехнологичных производств. Это позволило английским промышленникам развить ряд технологий, экономящих сырье, а также реконструировать свою металлургию, в результате чего потребность в российском металле в Англии резко сократилась¹⁹.

Заданные английской промышленностью вектор и динамика развития промышленности и промышленных технологий диктовали условия хозяйственной жизни во всем мире, включая нормы потребления, которые все время расширялись. Чтобы не отстать от высоких темпов развития Европы, Россия была вынуждена увеличивать потребление западной продукции, в основном английской. Но чтобы оплатить постоянно росший британский импорт, российская экономика была должна наращивать сырьевой сектор. Получился замкнутый круг, из которого Россия смогла вырваться только после 1917 г., когда с Советской Россией развитые страны вообще не хотели торговать. («Не было бы счастья, да несчастье помогло!»)

Схематически проигрыш страны, чья экономика специализируется на производстве сырьевых товаров и полуфабрикатов, и выигрыш страны, специализирующейся на производстве готовых к потреблению товаров, изображен на рис. 2.

Рис. 2. Подъем и упадок наций как следствие специализации в мировой торговле

Выводы, приводимые в схеме, подтверждаются также статистикой динамики изменения структуры мирового экспорта в

конце XX—начале XXI вв. (табл. 4). Мы видим, как неуклонно сокращается доля сырьевых товаров, — это говорит в пользу того, что индустриально развитые страны совершенствуют технологии, экономящие сырье, по мере роста своего промышленного потенциала, который имеет место именно за счет углубления специализации отдельных стран на производстве сырьевых товаров.

Таблица 4

Товарная структура мирового экспорта, % к итогу

Товарные группы	Фактически		Прогноз		
	1990	2000	2005	2010	2015
Готовые изделия	70,4	77,5	80,8	83,2	85,3
машины и оборудование	35,8	41,9	44,8	47,4	49,5
химические продукты	8,5	9,6	9,9	10,2	10,3
промежуточные инвестиционные товары	7,8	7,6	7,3	6,5	6,5
текстиль и одежда	6,3	6,1	5,9	5,9	5,4
другие потребительские товары	11,9	12,3	12,9	13,4	13,6
Сырье и полупродукты	17,4	12,5	10,4	8,9	7,6
топливо	10,5	7,3	6,1	5,3	4,4
черные металлы	3,1	2,3	1,9	1,6	1,4
цветные металлы	2,1	1,8	1,6	1,5	1,3
руды и другие минералы	1,7	1,1	0,8	0,6	0,5
Аграрные продукты	12,2	10,0	8,8	7,9	7,1
продовольствие	9,3	8,0	7,2	6,6	6,0
сельскохозяйственное сырье	2,9	2,0	1,6	1,3	1,1

Составлено по: <http://www.exin.ru/test/doc6.html>. Приведенные данные за 2005 г. прогнозные, поскольку составлялись еще в 2003 г. экспертным институтом.

Итак, путь углубленной специализации для стран СНГ — это путь деиндустриализации, который уже пагубно повлиял на российскую экономику в 1990-е гг., выведя ее из ряда ниш мирового рынка, где она могла бы занимать одно из ведущих мест. В результате отечественная экономика оказалась в мировой экономической системе в разряде поставщиков необработанного сырья, то есть в той сфере мирового хозяйства, где имеет место наиболее жесткая конкуренция. Как показывает опыт некоторых НИС и Беларуси, только развитие производства продукции с высокой добавленной стоимостью способствует росту благосостояния

общества. Развитие диверсификации, а не специализации, — вот наиболее эффективный путь для транзитивных экономик.

Примечания

¹ См.: Бриггс Э., Клэвин П. Европа Нового и Новейшего времени. С 1789 года до наших дней. М., 2006. С. 51–92.

² См.: Мироненко С.В. Самодержавие и реформы: Политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989; Сперанский М.М. Проекты и записки. М., 1961.

³ Витте С.Ю. По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист // Лист Ф. Национальная система политической экономии. М., 2005.

⁴ Бриггс Э., Клэвин П. Указ. соч.

⁵ Витте С.Ю. Указ. соч.

⁶ См.: Попов Г.Г. Двухсекторная модель экономики, государственное регулирование и либерализм // Экономика и право. 2006. № 2.

⁷ О жизни и идеях Ф. Листа см., например: Гильбо В. Фридрих Лист, который опять современен // Историко-экономические исследования. 2003. № 2–3; Лузан П.П. Фридрих Лист: теория национальной политической экономии // Историко-экономические исследования. 2004. № 1–2.

⁸ Лист Ф. Национальная система политической экономии. М., 2005. С. 115.

⁹ Там же. С. 117.

¹⁰ Там же. С. 118.

¹¹ Там же. С. 132.

¹² Информационный доклад Прайм-Тасс (2006) // <http://www.prime-tass.ru/news/print.asp?id=685739&ct=news>.

¹³ Доклад Министерства финансов Республики Беларусь о социально-экономическом положении Республики Беларусь и состоянии государственных финансов (январь–декабрь 2005 г.) (http://ncpi.gov.by/minfin/Budget/Y2005/M1_12/D1_12.htm).

¹⁴ Решетников Д. Особенности товарной структуры экспорта республики Беларусь // Белорусский журнал Международного права и международных отношений. 2002. № 3 // http://www.evolutio.info/index.php?option=com_content&task=view&id=518&Itemid=53.

¹⁵ Избыточные валютные резервы развивающихся стран составляют 2 триллиона долларов. 14 сентября 2006 года // <http://worldnews.org.ua/news3223.html>.

¹⁶ Данные статистики приведено по: Яблонская Т. Восточный шанс для экспорта // Эксперт Украина. № 18 (69). 15 мая 2006 // http://archive.expert.ru/ukraine/06/06-18-69/data/18-vostochniy_shans.htm.

¹⁷ Blanchard I. Russia and international iron markets, 1740–1850 // Conference «Trade, commodity markets and mercantile contribution in industrialization». Session: «Commodity markets and industrialization». University of Glamorgan, 2001.

¹⁸ См.: Мельянцев В.А. Россия за три века: экономический рост в мировом контексте // *Общественные науки и современность*. 2003. № 5. С. 85; Демкин А.В. Внешняя торговля России через Петербургский порт, 1764 г.: Ведомость об экспорте российских товаров. М., 1996; Репнин Н.Н. Участие купечества Европейского Севера во внешней торговле через Архангельск в первой четверти XVIII века // *Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник*. Вологда, 1973. Вып. 3. С. 177–199.

¹⁹ *Экономическая история мира. Европа*. Т. 2 / под общ. ред. М.В. Котопова. М., 2004. С. 186.